

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-93-104

Лирический сюжет в повести о детстве (роман Ю. Юркуна «Шведские перчатки»)

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Статья посвящена анализу романа Юрия Юркуна «Шведские перчатки». Мы рассматриваем это произведение с точки зрения выявления в его повествовании черт, которые передают тему взросления героя, его перехода из детского состояния к юности. В связи с этим анализируются мотивы двойственности образа героя, его андрогинности, а также различные мифологические ассоциации, появляющиеся в связи с именем главного героя. Образ главного героя оказывается зыбким, подвижным. С одной стороны, он постоянно дополняется новыми деталями, с другой – как будто скрывается за различными масками. Отдельно мы останавливаемся на теме двойничества второстепенных героев повести, постоянной смене их ролей в жизни Иосифа. Также мы рассматриваем особенности описания вещного мира в произведении Юркуна и использование в тексте приема остранения. Это позволяет объяснить смысл названия, роль деталей в создании художественного мира рассматриваемого произведения, а также выявить черты, характерные для повестей о детстве и взрослении, а также описать специфику их проявлений в тексте Юрия Юркуна. Указанные темы, мотивы и особенности повествования позволяют передать восприятие героем событий, мест и предметов. Это восприятие характеризуется как необычное, поскольку отражает взгляд на мир ребенка. Кроме того, мы показываем, что события и вещи в тексте Юркуна часто описаны как будто с двух точек зрения: с точки зрения главного героя, являющегося непосредственным участником событий, и с точки зрения стороннего наблюдателя. Все это позволяет говорить о том, что в романе «Шведские перчатки» проявляются черты, свидетельствующие о присутствии в повести лирического сюжета как особого свойства повести о детстве. Это приводит к тому, что текст производит впечатление личного дневника, в котором не выстраивается единый сюжет, но пропускают лирические черты, с помощью которых описывается взросление героя. Именно взросление становится «подвижным и разноправленным сверх-событием» лирического сюжета повести о детстве.

Ключевые слова

повесть о взрослении, тема детства, Юрий Юркун, лирический сюжет, Михаил Кузмин, остранение, двойственность, вещь

© Абрамова К. В., 2025

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 4. С. 93–104
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4, pp. 93–104

Для цитирования

Абрамова К. В. Лирический сюжет в повести о детстве (роман Ю. Юркуна «Шведские перчатки») // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 4. С. 93–104. DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-93-104

A Lyrical Plot in a Story about Childhood (Yurkun's Novel "Swedish Gloves")

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

This article analyzes Yuri Yurkun's novel "Swedish Gloves", focusing on the narrative traits that reveal the protagonist's coming-of-age, his transition from childhood to adolescence. The study explores the duality of the protagonist's image, his androgyny, and mythological associations connected with his name. The protagonist's image is fluid and shifting. It is constantly being supplemented with new details, but on the other hand, he seems to hide behind various masks.

Furthermore, we also study the duality of the secondary characters and their shifting roles in Joseph's life. We consider Yurkun's description of the material world and the use of defamiliarization ('enstrangement' device) in the text. This analysis clarifies the meaning of the title, the role of detail in creating the artistic world of this work, and identifies the characteristic features of stories about childhood and adolescence, as well as their manifestations in Yuri Yurkun's text. These themes, motifs, and narrative features convey the protagonist's perception of events, places, and objects, reflecting a child's worldview.

Finally, we demonstrate that events and objects in Yurkun's text are often presented from two perspectives: that of the protagonist as a direct participant, and that of an external observer. The multi-faceted perspective suggests that "Swedish Gloves" exhibits traits indicative of a lyrical plot as a distinctive feature of a childhood story. This creates the impression of a personal diary.

In this diary-like structure, lyrical elements, rather than a unified plot, describe the protagonist's maturation, making this process the "moving and multidirectional super-event" of a childhood story told through a lyrical plot.

Keywords

coming-of-age story, childhood theme, Yuri Yurkun, lyrical plot, Mikhail Kuzmin, defamiliarization, duality, thing

For citation

Abramova K. V. A Lyrical Plot in a Story about Childhood (Yurkun's Novel "Swedish Gloves"). *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 4, pp. 93–104. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-93-104

Роман Юрия Юркуна «Шведские перчатки» был опубликован в 1914 г. в издательстве М. И. Семенова с предисловием Михаила Кузмина. Произведение молодого, практически никому не известного писателя вызвало значительное количество откликов в печати, но в основном отрицательных – критики нередко отмечали влияние знаменитого покровителя. Так, в отзыве В. Ирецкого говорилось: «Роман написан совершенно не по-русски, и почитатель автора “Шведских перчаток” оказал бы ему большую услугу, если бы вместо предисловия просто перевел этот роман на русский язык» (Речь. 1914. № 304, 10 нояб.; цит. по: [Юркун, 1995, с. 473]). П. Потемкин писал: «Боюсь, что Кузмин понял роль проводника очень широко и не только написал предисловие к роману, но и кое-где слаживал шероховатости автора, уж очень кузминским пахнет от некоторых фраз» (цит. по: [Юркун, 1995, с. 474]).

Среди недостатков текста Юркуна критики часто называли нарушение норм русского языка, но, например, В. Ходасевич добавлял: «...несомненно, литературное дарование присуще г. Юркуну. Его наблюдения своеобразны, зорки, порой свидетельствуют об умении разобраться в переживаниях неглубоких, но сложных» (цит. по: [Юркун, 1995, с. 473]). Сохранился также отзыв Константина Сомова: «“Шведские перчатки” – интересный документ – это, в сущности, юношеский дневник – искренний и нежный...» (цит. по: [Юркун, 1995, с. 475]).

«Шведские перчатки» – это повесть о взрослении, главный герой которой – мальчик, чье имя читатель узнает не сразу (в начале произведения ему четырнадцать лет, в конце – восемнадцать). Мальчика зовут Иосиф, как и самого автора¹, и поэтому в ней просвечивают автобиографические мотивы, хотя нужно сказать, что о жизни Юркуна до 1913 г., времени его знакомства с Михаилом Кузминым, практически ничего не известно².

¹ Юрий Юркун – поэтически звучный псевдоним, который был придуман Михаилом Кузминым, настоящее имя писателя – Йозас (в русских документах Иосиф) Юркунас.

² Ольга Гильдебрандт-Арбенина, с которой у Юркуна тоже были долгие и сложные личные отношения и которую иногда называют его женой, писала в воспоминаниях: «Мать Юры отдала его в какой-то иезуитский пансион, где во главе этого училища стоял очень суровый пater <...> Мать Юры вскоре после смерти отца вышла замуж во второй раз и хотела, чтобы Юра стал священником и молился... Юра убежал из “монастыря” и перешел на военный строй... Тут у него был <...> какой-то вроде унтера, <...> Юра любил его, но тоже сбежал, и начались его странствования, – одна из “остановок” после Вильны была – Киев. <...> И когда Юра стал актером с нелепым псевдонимом “Монгандри”» [Юркун, 1995, с. 463–464]. В этом описании как будто отражается сюжет повести Юркуна, приведем лишь основные события произведения: отец главного героя – хозяин мелочной лавки в Вильно, а набожная мать торгует молитвенниками, одним из знакомых отца, режиссером театра водевилей, «заимствуется на один вечер» для исполнения роли дофина. После этого он заводит знакомство с актрисой пани Амброзией и ее дочерьми, делается сначала ее учеником, затем с другим театром отправляется на гастроли в компании дяди Бонифация, затем, после ложных обвинений Бонифация в мошенничестве, они покидают театр и вместе отправляются в Киев. Здесь Иосиф идет служить в книжную лавку, знакомится с неким известным писателем Павлом Гекторовичем и актрисой Галиной Львовной, с которой у него завязывается роман. Герой поступает в театр, где играет его возлюбленная, и отправляется с ней в Петербург. В Петербурге Галина изменяет Иосифу, пытаясь вызвать его ревность, герой же остается равнодушным – они расстаются, и Иосиф возвращается к дяде Бонифакию.

Биографические мотивы, тема перехода из детского состояния к отрочеству и взрослению ставит произведение Юр. Юркуна в один ряд с другими повестями о детстве, написанными в начале XX в.³, в том числе и с произведениями Михаила Кузмина⁴, в которых также появляется герой, взрослеющий и познающий различные факты жизни. Так, среди возможных кузминских претекстов «Шведских перчаток» Эрик де Хаард называет рассказ «Ванина родинка» (1912), роман «Нежный Иосиф» (1909), и, «в меньшей мере», «Крылья» (1907) [Haard, 2000, р. 418]⁵. Интересно, что сам Михаил Кузмин уже позднее, в 1922 г., в статье «Письмо в Пекин» говорит о сборниках Б. Пастернака и Ю. Юркуна, как будто сопоставляя их произведения, в первую очередь «Детство Люверс» и «Шведские перчатки»⁶.

Как было упомянуто выше, само повествование в тексте Юр. Юркуна больше напоминает дневник, оно наполнено впечатлениями и переживаниями героя, часто отрывочными. В предисловии к роману Михаил Кузмин пишет: «Автор, по-видимому, занят только небольшими сценами, живописует тонко и нежно природу, лирически воскликает и грустит, элегически философствует и как будто никакой крепкой связи, никакого романа нет» [Юркун, 1995, с. 18].

Эта особенность повествования позволяет нам говорить о возможности выделить лирический сюжет, который, по словам Ю. Н. Чумакова, «воспринимается весь сразу целиком, и именно поэтому внерационален, вненarrативен, и его нельзя рассказать» [Чумаков, 2019, с. 58]. Повесть о детстве строится на описании впечатлений и переживаний, пропущенных через детское сознание, и поэтому часто произведение о взрослении становится текстом, в котором событийность уходит на второй план и проступают лирические черты. Мы рассматриваем повесть о детстве как явление, в котором, благодаря специфике материала и особенно-

³ В. К. Кондратьев во вступительной статье к изданию прозаических произведений Юрия Юркуна 1995 г. назвал текст «действительно ярким и необычным», поскольку это произведение было замечено многими и, по замечанию исследователя, предвосхитило «романы юности», которые «ворвались в западную литературу послевоенного (после Первой мировой войны) времени» (см.: [Юркун, 1995, с. 10]).

⁴ Нужно отметить, что, по словам А. Шаталова, Михаил Кузмин превратил Юрия Юркуна «в персонаж собственного литературного окружения и собственной биографии» [Шаталов, 1996], хотя некоторые исследователи говорят о возможности влияния самого Юрия Юркуна на творчество Кузмина (см., например: [Haard, 2000]).

⁵ О «Крыльях» как «первом из Bildungsromane с Вожатым в центре», а также о «небрежности стиля», характерной для прозы М. Кузмина, см.: [Марков, 1994, с. 163–170]. Мы не будем останавливаться на сопоставлении повести Юрия Юркуна с произведениями Михаила Кузмина, поскольку это является темой, требующей отдельного подробного анализа. Скажем лишь, что Кузмин, несомненно, оказал большое влияние на многих авторов, особенно в кругу тех, кто был ему особенно близок. К теме детства, взросления, юности обращались и другие писатели и поэты, входившие в круг Михаила Кузмина. Например, среди них можно назвать филолога и писателя А. Н. Егунова, который был близок и к Ю. Юркуну (об этом подробнее см.: [Маурицио, 2008]).

⁶ О последнем из них Кузмин рассуждает так: «Вихревой блеск описаний, восторженная нежность к жизни, природе и людям, патетизм лирических рассуждений, эмоциональность фабулы и способность показывать каждый предмет, каждое слово со всех сторон, в трех измерениях, – еще не оцененные достаточно свойства прозы Юр. Юркуна, может быть, наиболее своеобразной из современной» [Кузмин, 2018, с. 269–270].

ностям используемых авторами для передачи детского восприятия приемов, имплицитно присутствует «подвижное и разнонаправленное сверх-событие, в котором собраны всевозможные явления, сюжетные знаки и следы, переживания других людей, предметов и переживания переживаний» [Чумаков, 2019, с. 58]. В повести о детстве таким «сверх-событием» становится взросление героя, переданное с помощью различных знаковых мотивов и событий, в которых проступает лирическое начало.

Одним из примеров того, как в романе Юрия Юркуна «Шведские перчатки» создается впечатление многозначности и внутреннего движения элементов сюжета, является образ взрослеющего героя – ребенка, который меняется, сталкиваясь с различными ситуациями и людьми. Знаком этой изменчивости становится то, что имя героя называется не сразу: сначала пани Амброзия называет его Нарциссом и Адонисиком⁷, что задает определенный мифологический подтекст, и, когда наконец звучит имя героя (а звучит оно в момент, когда пани Амброзия пытается соблазнить его), возникает прямая отсылка к легенде о прекрасном Иосифе: «...тебя звать, кажется, Иосиф? Так вот, мой прекрасный Иосиф, ты никого еще не любил?» [Юркун, 1995, с. 32]⁸. Так образ самого героя становится зыбким: он наделяется чертами мифических персонажей, дополняется, обрастают деталями и ассоциациями, но одновременно и ускользает, как будто оказывается скрытым многочисленными масками.

Мотив двойственности героя также поддерживается тем, что он становится актером, тем, кто постоянно превращается в кого-то другого. Причем именно с этого начинается повествование, и Иосиф «одалживается» директором театра, т. е. не действует самостоятельно, а как будто остается почти что безучастным, подчиняющимся наблюдателем событий. И даже описание спектакля, в котором играет Иосиф, впервые оказавшись в театре, передает впечатление, что герой как будто превращается в куклу, которую передвигают по сцене:

Я выполнил точно свою роль, как мне ее объяснили. Подойдя к господину, который при нашем появлении встал и, протянув руки к нему, которые он взял в свои, я начал осматривать публику, сидевшую в темноте и уставившую на нас свои глаза. Мне стало очень неловко, я почувствовал, как я покраснел, здесь было очень жарко, актер с рыжею бородою меня поворачивал, поднимал, актеры, одетые в синие костюмы, волновались и возмущались этим, но публика в темноте смеялась на каждое слово рыжебородого.

Наконец впереди занавес опустился и я перестал видеть публику... (с. 24).

Отметим, что в приведенном эпизоде присутствует обнаруженный и описанный формалистами прием остранения⁹, который использовался Л. Н. Толстым, в том числе в повести «Детство», ставшей в русской литературе своеобразным

⁷ Заметим, что Михаил Кузмин называл Юрия Юркуна Иосифом, Вилли Хьюзом и Дорианом – именами, по замечанию В. Кондратьева, «наиболее значимыми для ассоциативного мира денди начала века» (см.: [Юркун, 1995, с. 8]). Ряд имен в романе «Шведские перчатки» тоже, на наш взгляд, является показательным.

⁸ Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

⁹ А. П. Чудаков отметил, что прием «остранения», т. е. изображение предмета под необычным углом зрения, в «странным» восприятии, связан с раскрытием не только неожиданных сторон вещи, но и самого необычного сознания [Чудаков, 1992, с. 33].

образцом подобных произведений, аналогом и предвестием модернистской поэтики лирической прозы. В «Шведских перчатках», как и в других повестях о детстве, этот прием позволяет передать детское восприятие героя, его наивный взгляд на жизнь, а также создать эффект двойственности его положения: он играет на сцене, перевоплощается в дофина, становится как будто не собой, и в то же время остается маленьким ребенком, воспринимающим все происходящее как бы со стороны.

В романе Юрия Юркуна еще одну возможность разнонаправленности, зыбкости, неоднозначности восприятия образа героя создают постоянные упоминания о красоте Иосифа, которая носит яркий андрогинный характер. Героя очень часто сравнивают с девочкой. Попав в гримерку, он, подражая пани Амброзии, хочет припудриться, он играет женские роли в театре, ему говорят, что ему «очень идет женское платье», а многочисленные поцелуи с актрисами перекликаются еще с одним эпизодом, где героя целует дядя Бонифаций: «Он нагнулся и захотел поцеловать меня в лоб, но я подставил губы» (с. 39).

Вообще, повествование в «Шведских перчатках» постоянно строится вокруг влюбленности героя. При этом возлюбленные двоятся и троятся, постоянно подменяют друг друга. Так, знакомство с пани Амброзией начинается с того, что она целует Иосифа в гримерке¹⁰, а после приглашает прийти в гости. В доме пани Амброзии герой знакомится с двумя ее дочерьми, Барбарой и Марией:

У круглого стола, покрытого ярко-желтой скатертью, на котором стояла лампа, льющая розоватый свет, сидели две очаровательные барышни, похожие до капли одна на другую; перед ними на столе лежали карты; одна из барышень чему-то смеялась, в то время как вторая была печальной (с. 27).

После встречи с сестрами Иосиф влюбляется в Барбару и мечтает о встрече с ней. Следующее же его появление в их доме приводит к тому, что он не застает ни Барбары, ни Марии, и происходит уже упомянутая сцена соблазнения:

Пани Амброзия посадила меня опять к себе на колени, начала меня обнимать, так что я задыхался, целовать, кусая; я еле-еле мог дышать. Что потом произошло со мной, я не могу описать, но этого, кажется, и нельзя описывать (с. 33).

Пани Амброзия как будто подменяет свою дочь, как будто бы истинную возлюбленную героя. Но любопытно, что чуть позже вторая сестра, Мария, целует героя, и он забывает о Барбаре: «Барбара мне уже была столь же дорога, сколько и ее мать» (с. 49). В этих эпизодах происходит постоянная замена одной возлюбленной на другую, но вскоре вторую заменяет третья. Сами героини остаются неотличимыми друг от друга, и это обыгрывается в сцене, когда в момент отъезда героя из города его приходят провожать и пани Амброзия, и ее дочери. И Мария, и Барбара вручают Иосифу письма, как потом оказывается, с признаниями в любви, но абсолютно идентичные. Позднее роман с Галиной Львовной начинается с того, что герой постоянно сравнивает ее с Барбарой (теперь Мария оказывается забыта), а новая возлюбленная становится в один ряд с предыдущими.

¹⁰ Заметим, что во время гастролей театра, куда приглашают Иосифа актером, эта сцена также повторяется уже с другими актрисами, т. е. в романе присутствуют практически идентичные сцены, что, конечно же, делает второстепенных персонажей, пани Амброзию и других актрис, двойниками.

Любовные похождения героя мотивируются тем, что он очень красив, его со-поставлением с прекрасным Иосифом, но в то же время тема постоянно сменяю-щих друг друга возлюбленных порождает ассоциацию с еще одним литературным героем – Дон Жуаном, и это ведет за собой музыкальные ассоциации, поскольку тема музыки особенно важна как для Михаила Кузмина, который, конечно же, оказывал огромное влияние на своего молодого протеже, так и для самого Юркуна. В воспоминаниях О. Гильдебрандт-Арбениной о нем можно найти заметку о музыкальных предпочтениях писателя:

В музыке его кумиром был Моцарт, и он мог плакать от его музыки <...> Вкусы в музыке у него очень сходились со вкусами Кузмина, но он сам был очень музыкален и имел свое мнение во всем. <...> Верди считал довольно дурного тона (шарманочным), Вагнера – гением... [Юркун, 1995, с. 459].

Кроме того, в книге о Михаиле Кузмине Н. Богомолов и Дж. Малмстад приво-дят следующую версию знакомства Кузмина с Юркуном: «По рассказам людей, зналших Кузмина и Юрия Ивановича Юркуна, они встретились по дороге в Киев, где Юркун играл в каком-то оркестре» [Богомолов, Малмстад, 2007, с. 297–298]. В этой версии, таким образом, подчеркивается еще и возможность наличия у Юр. Юркуна профессиональных знаний о музыке. Так, музыкальная тема и тема любовных похождений создают еще одну «маску» главного героя «Шведских перчаток» – маску Дон Жуана.

Нужно отметить, что в повести Юркуна есть примеры и других неожиданных удвоений. Например, мать Иосифа после смерти его отца повторно выходит замуж за человека по фамилии Кулко (который тоже, как и отец героя, заболевает, и герой рассуждает, что второго отца ему не так жалко, как первого). Но далее, в Петербурге, в компании офицеров, с которыми заводит знакомство Галина Львовна, возлюбленная Иосифа, также оказывается человек с фамилией Кулко. Еще неожиданное пересечение: Галина изменяет герою с сыном пани Амброзии, который ранее лишь однажды упоминался в самом начале повествования. Сама же пани Амброзия периодически неожиданно появляется в жизни героя: в частно-сти, она оказывается родственницей и как будто бы виновницей внезапной смерти Павла Гекторовича, покровителя Иосифа и друга Бонифация, т. е., по сути, Павел Гекторович является своеобразным двойником Бонифация.

Многочисленные маски и культурные подтексты, рождающиеся в связи с об-разом Иосифа, удвоения героеv¹¹, постоянная смена их ролей и неожиданные взаимосвязи между второстепенными персонажами создают в произведении дви-жущееся и изменчивое пространство, в котором происходит постепенное взрос-ление героя и в котором отражается многогранность детского восприятия, впер-вые сталкивающегося с различными аспектами жизни. Все это приводит к тому, что текст производит впечатление личного дневника, в котором не выстраивается единый сюжет, но пропускают лирические черты, с их помощью и создается «подвижное и разнонаправленное сверх-событие» – взросление героя.

Другим аспектом, о котором необходимо упомянуть в связи с особенностями проявления черт лирического сюжета в повестях о детстве, является высокая сте-

¹¹ О двойничестве у Юр. Юркуна как признаке неоромантизма и эмоционализма см.: [Haard, 2000, p. 429].

Литературная жизнь сюжета

пень детализации художественного мира произведения: в тексте появляется описание большого количества вещей, предметов, создающих пространство детского мира, которое часто существует по своим законам. Эта особенность также позволяет нам выделить повесть о детстве и взрослении как отдельное жанровое явление.

Повествование от лица ребенка часто строится на огромном количестве упоминаемых предметов, вещи при этом предстают в необычном виде, с необычного ракурса. «Вещность» есть и в романе «Шведские перчатки», где появляется огромное количество предметов, и особенно предметов одежды¹². Это видно уже по заголовку. Вообще, «дебют» образа шведских перчаток происходит во второй из трех частей повести, т. е. фактически в центре повествования: «Я был в глубоких калошах, в новом, купленном на собственные заработанные деньги, пальто с воротником, в руках, на которых были желтые шведской кожи перчатки...» (с. 68).

Практически здесь же автор раскрывает тайну заглавия. Бонифаций, обращаясь к Иосифу, говорит: «Это шведские перчатки? Их носят грязными, ибо они скоро и легко грязняются. Их кожу можно сравнить с людьми, с тобой, малыш: ты понимаешь меня?» (с. 69). Шведские перчатки, таким образом, становятся символом человеческой души, которая пачкается от соприкосновения с жизнью и в первую очередь с многочисленными женщинами¹³.

Кроме того, нужно отметить, что вещи в романе «Шведские перчатки» часто связаны с воспоминаниями о детстве, окрашенными особого рода «чувствительностью», умилением. Заметим, что исследователи говорили о неосентиментализме, который проявляется в прозе Юрия Юркуна (см., например: [Haard, 2000, р. 422–423]). Вообще, по замечанию В. Н. Топорова, «“сентиментальное” отношение к вещам, как и связанное с этим чувством приобщение к человеку и его жизни, также, как правило, основано не на “пользах”, получаемых от них, и функциях вещей, но на их признаках, внутренне пережитых человеком и соотнесенных им с теми или иными моментами своей жизни» [Топоров, 1995, с. 29]. Сама тематика произведения Юркуна, таким образом, предполагает описание воспоминаний, окрашенных сильными чувствами, и повесть о детстве и взрослении будет отчасти сентиментальной, но именно здесь эта черта становится гипертрофированной и связанной с фигурой Михаила Кузмина¹⁴.

Приведем стихотворение Михаила Кузмина «“Шведские перчатки”», написанное в 1914 г. и посвященное Юрию Юркуну:

¹² Мотив «туалета героини» (а в повести «Шведские перчатки» «туалета героя») отражает акцент на эстетические установки, характерные для эпохи модернизма в целом (это, например, позволяет сопоставлять описание процесса одевания героини в другом произведении Юркуна с подобным мотивом у О. Бердсли; см.: [Табункина, 2014]), как и для поэтики Михаила Кузмина, о влиянии которого на Юр. Юркуна мы уже упоминали.

¹³ Такое уподобление даже заставило иронизировать одного из критиков. П. Потемкин писал: «С таким же правом можно было дать роману название “Крахмальные манжеты”, “Носовые платки” или еще какое-нибудь в этом же роде» (цит. по: [Юркун, 1995, с. 474]).

¹⁴ О «сентиментальности» в произведениях М. Кузмина см., например: [Марков, 1994].

Абрамова К. В. Лирический сюжет в повести о детстве

Картины, лица – бегло-кратки,
Влюбленный вздох, не страстный крик,
Лишь запах замшевой перчатки,
Да на футбольной на площадке
Полу дитя, полу старик¹⁵.

Как запах городских акаций
Напомнит странно дальний луг,
Так между пыльных декораций
Мелькнет нам дядя Бонифаций,
Как неизменный, детский друг.

Пусть веет пудрой по уборным
(О дядя мудрый, не покинь!),
Но с послушаньем непокорным
Ты улыбнешься самым вздорным
Из кукольнейших героинь.

И надо всем, как ветер Вильны,
Лукавства вешнего полет.
Протрелит смех не слишком сильно,
И на ресницах вдруг умильно
Слеза веселая блеснет
[Кузмин, 1921, с. 59–60].

В этом стихотворении отражается, почти пересказывается, содержание романа Юрия Юркуна, но появляются в нем и мотивы, связанные с «чувствительностью» и эмоциональностью («И на ресницах вдруг умильно / Слеза веселая блеснет»). Интересен также образ, как будто соединяющий двух героев произведения Юркуна: «Полу дитя, полу старик». Таким образом в стихотворении Кузмина подчеркивается, что Иосиф и дядя Бонифаций тоже являются двойниками друг друга.

Приведем еще один фрагмент романа «Шведские перчатки», в котором предметы приобретают неоднозначность и даже фантастичность:

Над диваном, на котором спал Бонифаций, прибит был коврик, коврик этот сработала жена нашего швейцара, Антонина.

Изображены на нем были две лошадки, прелестные лошадки: одна черная, другая рыжая, черная была без задних ног и с белым большим на голове глазом, а рыжая походила больше на кота, хвост был широкий у нее и торчал кверху (с. 131–132)¹⁶.

¹⁵ Написание приводится в соответствии с источником.

¹⁶ Отметим здесь интересную перекличку в мотивах со стихотворением другого последователя Михаила Кузмина, Ю. Е. Дегена (о нем, например, упоминает Т. Л. Никольская [1990, с. 101]). Приведем текст стихотворения:

на обоях плоские лошадки
говорят, говорят:
наши дни летят, но дни не кратки –
долгий ряд, долгий ряд.
отчего узор цветов печатных
не в людей, не в людей,
не поймет нас гладких и приятных
лошадей, лошадей?

Изображенные на коврике лошадки, сначала кажущиеся ничем не примечательными, превращаются в нечто другое, образы становятся неточными и поэтически зыбкими, и это снова приводит к тому, что художественный мир произведения пронизывается движением, которое Ю. Н. Чумаков называл «подвижным и разнонаправленным сверх-событием».

Список литературы

- Богомолов Н., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 2007. 560 с.
- Деген Ю. Е.* Поэма о конце <sic>. Пг. [Тифлис]: [Издание автора], 1918. 24 с.
- Кузмин М.* Нездешние вечера: Стихи 1914–1920. Пг.: Петрополис, 1921. 134 с.
- Кузмин М. А.* Условности. М.: РИПОЛ классик, 2018. 306 с.
- Марков В. Ф.* О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. 368 с.
- Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 254 с.
- Никольская Т. Л.* Творческий путь Ю. Юркуна // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конф. 15–17 мая 1990 г. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1990. С. 101–102.
- Табункина И. А.* Сюжет «туалет Венеры»: от О. Бердсли к Ю. Юркуну // Мицовая литература в контексте культуры. 2014. № 3 (9). С. 103–113.
- Топоров В. Н.* Вещь в антропологической перспективе (Апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Исследования в области мифоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 7–111.
- Чудаков А.* Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.
- Чумаков Ю. Н.* В сторону лирического сюжета. М.: ЯСК, 2019. 120 с.
- Шаталов А.* Предмет влюбленных междометий. Ю. Юркун и М. Кузмин – к истории литературных отношений // Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 58–109.
- Юркун Ю. И.* Дурная компания: Роман, повесть, рассказы. СПб.: Терра-Азбука, 1995. 509 с.
- Haard E. de.* Проза Юркуна между неосентиментализмом и эмоционализмом (литературные отношения с М. Кузминым) // Russian Literature. 2000. Vol. 46, no. 4. P. 411–435.

завиток оранжевый узора.
он поймет, он поймет! –
я не слышу больше разговора
милой Мод, милой Мод.
запах мяты и губной помадки,
– прежний круг, прежний круг! –
мне остались рыжие перчатки
с милых рук, милых рук
[Деген, 1918, с. 17].

References

- Bogomolov N., Malmstad J. Mikhail Kuzmin: Iskusstvo, zhizn', epokha [Mikhail Kuzmin: Art, Life, Era]. St. Petersburg, Vita Nova, 2007, 560 p. (in Russ.)
- Chudakov A. Slovo – veshch' – mir. Ot Pushkina do Tolstogo [Word – thing – world. From Pushkin to Tolstoy]. Moscow, Sovremennyi pisatel', 1992, 320 p. (in Russ.)
- Chumakov Yu. N. V storonu liricheskogo syuzhetu [Towards the Lyrical Plot]. Moscow, YaSK Publ., 2019, 120 p. (in Russ.)
- Degen Yu. E. Poema o sonse [Poem about the Sun]. Petrograd [Tiflis], 1918, 24 p. (in Russ.)
- Haard E. de. Proza Yurkuna mezhdu neosentimentalizmom i emotSIONALIZMOM (literaturnye otnosheniya s M. Kuzminym) [Yurkun's Prose between Neosentimentalism and Emotionalism (Literary Relations with M. Kuzmin)]. *Russian Literature*, 2000, vol. 46, no. 4, pp. 411–435. (in Russ.)
- Kuzmin M. A. Uslovnosti [Conventions]. Moscow, RIPOL klassik, 2018, 306 p. (in Russ.)
- Kuzmin M. Nezdeschnie vechera: Stikhi 1914–1920 [Otherworldly Evenings: Poems 1914–1920]. Petrograd, Petropolis, 1921, 134 p. (in Russ.)
- Markov V. F. O svobode v poezii: Stat'i, esse, raznoe [On freedom in poetry: Articles, essays, miscellaneous]. St. Petersburg, Chernyshev Publ., 1994, 368 p. (in Russ.)
- Maurizio M. "Bespredmetnaya yunost'" A. Egunova: tekst i kontekst [A. Egunov's "Abjectless Youth": text and context]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada, 2008, 254 p. (in Russ.)
- Nikolskaya T. L. Tvorcheskii put' Yu. Yurkuna [The creative path of Yu. Yurkun]. In: Mikhail Kuzmin i russkaya kul'tura XX veka: tezisy i materialy konferentsii 15–17 maya 1990 [Mikhail Kuzmin and Russian Culture of the 20th Century: Theses and Materials of the Conference, May 15–17, 1990]. Leningrad, Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannom Dome, 1990, pp. 101–102. (in Russ.)
- Shatalov A. Predmet vlyublennykh mezhdometii. Yu. Yurkun i M. Kuzmin – k istorii literaturnykh otnoshenii [The subject of amorous interjections. Yu. Yurkun and M. Kuzmin – on the history of literary relations]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1996, no. 6, pp. 58–109. (in Russ.)
- Tabunkina I. A. Syuzhet "tualet Venery": ot O. Berdsli k Yu. Yurkunu [The "Venus's Toilet" Plot: From O. Beardsley to Yu. Yurkun]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2014, no. 3 (9), pp. 103–113. (in Russ.)
- Toporov V. N. Veshch' v antropologicheskoi perspektive (Apologiya Plyushkina) [The Thing in Anthropological Perspective (Plyushkin's Apology)]. In: Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the Field of Mythopoeia: Selected Works]. Moscow, Progress – Kul'tura, 1995, pp. 7–111. (in Russ.)
- Yurkun Yu. I. Durnaya kompaniya: Roman, povest', rasskazy [Bad Company: A Novel, Novel, Short Stories]. St. Petersburg, Terra-Azbuka, 1995, 509 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Но-
восибирск, Россия)

Information about Author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Sciences (Philology), Research Fellow, Institute of
Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosi-
birsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.10.2025;
одобрена после рецензирования 06.12.2025; принята к публикации 06.12.2025*
*The article was submitted on 10.10.2025;
approved after reviewing on 06.12.2025; accepted for publication on 06.12.2025*